
От жалобы к освобождению: органы прокуратуры и НКВД в реабилитации 1939–1941 гг.

Антон Щелкунов

From Complaint to Release: procurators and the NKVD in the rehabilitation of 1939–1941

Anton Shchelkunov (National Mining University, Dnepropetrovsk, Ukraine)

В довольно многочисленной современной историографии Большого террора 1937–1938 гг. по-прежнему малоизученной остаётся проблема реабилитации его жертв в 1939–1941 гг. В обобщающих трудах по истории сталинизма она либо не рассматривается вовсе¹, либо исследуется в контексте других вопросов², либо только затрагивается³.

Осуществление массовых репрессий вело к деградации и разложению органов НКВД, ставило под удар основные элементы советской государственной системы (Коммунистическую партию, органы государственного управления, Красную армию и т.д.). Абсолютное выведение карательных органов за рамки правового поля угрожало самому режиму и подрывало основы государственности. Большой террор, планировавшийся как молниеносная четырёхмесячная операция по ликвидации потенциальных врагов Советского государства и уничтожению почвы для существования «пятой колонны», безнадежно затянулся. Попытки скорректировать репрессивную политику без радикальных мер ни к чему не привели. Так, аресты среди руководящих работников НКВД и усложнение процедуры «следствия» летом 1938 г. (обязательный допрос двух–трёх свидетелей и очные ставки) существенно не повлияли на практику репрессий. В то же время обострение международной обстановки и нарастание угрозы начала мировой войны подталкивали большевистское руководство к изменениям в карательной политике. 11 августа 1938 г. завершились боевые действия у озера Хасан, а 22 августа Л.П. Берия был назначен первым заместителем народного комиссара внутренних дел СССР.

© 2017 г. А.А. Щелкунов

¹ *Верт Н.* Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М., 2010; *Баберовски Й.* Красный террор. История сталинизма. М., 2007.

² *Хлевнюк О.В.* Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010; *Соломон П.* Советская юстиция при Сталине / Пер. с англ. Л. Максименкова. Изд. 2. М., 2008.; *Медведев Р.А.* О Сталине и сталинизме. М., 1990.

³ *Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р.* Реабилитация жертв // *Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р.* Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. М., 2008. С. 476–490; *Гридунова И.А.* Роль прокуратуры в реабилитационных мероприятиях 1939–1941 годов на материалах Алтайского края и Новосибирской области // *Сталинизм в советской провинции 1937–1938 гг.* Массовая операция на основе приказа № 00447 / Сост.: М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. М., 2009. С. 647–662; *Уйманов В.Н.* Была ли «Бериевская оттепель» в СССР? (К вопросу о реабилитации жертв репрессий) // *Вестник Томского государственного университета.* 2012. № 358. С. 39–45; *Варфоломеева Н.В.* Особенности репрессивной политики советской власти в конце 1930-х годов // *Научные ведомости Белгородского государственного университета.* Сер.: История. 2008. № 1(41). С. 103–109; *Черушев Н.С.* Из ГУЛАГа – в бой. М., 2013.

8 октября (почти сразу после Мюнхенской конференции и фактического расчленения Чехословакии) в Политбюро создали комиссию, призванную «разработать в 10-дневный срок проект постановления ЦК, СНК и НКВД о новой установке по вопросу об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия»⁴. То, что принятие этого постановления растянули почти на месяц, объясняется ожидаемой в СССР эскалацией конфликта в Европе.

В преддверии большой войны сталинскому руководству необходимо было консолидировать травмированное Большим террором советское общество. В итоге началась кампания по укреплению «социалистической законности»: подчинение деятельности органов НКВД существовавшему законодательству; усиление роли прокуратуры и ограничение позиций внесудебных органов (большую часть дел о контрреволюционных преступлениях должны были рассматривать суды); запрет на проведение массовых репрессивных операций; аресты сотрудников НКВД, «отличившихся» во время Большого террора, реабилитация его жертв. Последнее положение историки всегда тесно связывали с репрессиями против сотрудников НКВД⁵, однако обусловленность чистки его структур ходом реабилитации или наоборот является спорной. Оба явления хотя и были составными частями вышеназванной кампании, но напрямую не зависели друг от друга.

Большинство сотрудников НКВД попали под «маховик» репрессий во второй половине 1938 г., когда реабилитация ещё не началась. Осенью 1938 г. осудили, например, помощника начальника Днепропетровского УНКВД Б.С. Борисова-Вильнера, начальника 5-го отдела того же управления Я.Е. Флейшмана, начальника особого отделения НКВД 30-й стрелковой дивизии М.А. Фамильяна. После их ареста были освобождены 15 «честных советских граждан», но в материалах дела, кроме констатации данного факта, об этих освобождённых людях нет ни слова⁶.

В конце того же года начальника Широкинского РО НКВД Г.С. Горбачёва и четверых его подчинённых признали виновными в фальсификации следственных материалов во время проведения массовых операций. Но на момент вынесения приговора пересмотр дел репрессированных Широкинским райотделом НКВД начат не был⁷. В 1939–1941 гг. ситуация не изменилась. Так, начальника Днепродзержинского ГО НКВД И.А. Дарагана осудили в мае 1941 г., когда материалов пересмотра «троичных» дел было предостаточно, однако обвинения против этого сотрудника строились на показаниях его бывших подчинённых⁸.

Часто полученные в ходе реабилитации материалы использовались в качестве дополнительных доказательств (к примеру, дело бывшего начальника Криворожского ГО НКВД А.В. Тараненко, осуждённого в июле 1939 г. к семи годам лагерей)⁹. И только часть бывших сотрудников НКВД были признаны виновными на основе доказательной базы, полученной в ходе реабилитации. Однако полагаю, что осуждённых в 1938–1941 гг. чекистов всё равно бы арестовали независимо от того, проводилась реабилитация или нет.

⁴ РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 1002, л. 37.

⁵ Гридунова И.А. Указ. соч. С. 661; Уйманов В.Н. Указ. соч. С. 43.

⁶ Архів Управління Служби безпеки України у Дніпропетровській області (далее – АУСБУ ДО), д. 31064.

⁷ Там же, д. 520.

⁸ Державний архів Дніпропетровської області (далее – ДА ДО), ф. 6478, оп. 2, д. 2389, л. 244.

⁹ АУСБУ ДО, д. 31064, л. 136.

Обратная связь между чистками аппарата НКВД и реабилитацией также не прослеживается. В 1939—1941 гг. в наркомате пересматривались дела, которые вели следователи, уволенные из органов за «извращения в следственной работе» или арестованные за нарушения «социалистической законности». Но подобная практика имела ограниченный характер. Так, в Туркменской ССР проверили около 300 дел, по которым вели расследование 46 сотрудников НКВД, затем арестованных (в среднем 6—7 дел каждого из них)¹⁰. Причём чаще всего пересматривались дела репрессированных, следствие по которым ещё не было закончено, или тех, кого не успели «этапировать» и кто находился во внутренней тюрьме. Дела, по которым постановления «троек» были выполнены, фактически не пересматривались. Отправной точкой для пересмотра таких приговоров являлись направленные репрессированными и их родственниками жалобы на неправомерные аресты и осуждение.

Жалобы начали поступать в структурные подразделения прокуратуры СССР в начале 1938 г., но их дальнейший «ход» в условиях Большого террора, по сути, был невозможен. С апреля 1938 г. большую часть таких обращений оставляли без рассмотрения¹¹, и подобную практику прекратили только в декабре¹². В 1939 г. в прокуратуру РСФСР поступили 3 095 013 жалоб. Среди многочисленных рубрик, характеризовавших предмет обращения граждан, не было раздела о контрреволюционных преступлениях. Поэтому можно предположить, что обращения от репрессированных и их родственников (не менее 1 млн) попали именно в раздел «прочие жалобы», где числилось 1 160 485 претензий¹³.

Таковыми же обращениями были «завалены» прокуратуры и других союзных республик. Например, с 1 января 1939 по 1 марта 1940 г. в прокуратуру УССР поступили 170 855 жалоб от репрессированных и их родственников¹⁴, в прокуратуру БССР — 39 тыс. «по делам НКВД»¹⁵. Большинство репрессированных свои обращения в республиканскую прокуратуру дублировали жалобами в прокуратуру СССР. Кроме того, соответствующие претензии поступали во все другие партийные и советские институты, поэтому суммарное количество жалоб, поданных репрессированными и их родственниками, могло составлять не менее 3 млн. В СССР всегда серьёзно относились к обращениям и письмам «трудящихся». Своевременное реагирование на них считалось прямым проявлением народного характера советской власти и эффективным способом укрепления лояльности населения. Поэтому в 1939 г. одной из первоочередных

¹⁰ Докладная записка военного прокурора войск НКВД Туркменского погранокруга Кошарского прокурору СССР М.И. Панкратеву и исполняющему дела главного военного прокурора РККА П.Ф. Гаврилову об итогах следствия по делам «о нарушении социалистической законности» в органах НКВД Туркменской ССР от 23 сентября 1939 г. // История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: Сборник документов. В 7 т. Т. 1. М., 2004. С. 358.

¹¹ Хлевнюк О.В. Указ. соч. С. 384.

¹² Докладная записка прокурора СССР А.Я. Вышинского председателю СНК СССР В.М. Молотову об организации работы по рассмотрению жалоб осуждённых в Прокуратуре РСФСР от 15 января 1939 г. // История сталинского ГУЛАГа... Т. 1. С. 328.

¹³ ГА РФ, ф. А-461, оп. 8, д. 41, л. 1—2.

¹⁴ Витяг із доповіді Прокурора УРСР Л. Яченіна про виконання органами прокуратури Постанови РНК СРСР і ЦК ВКП(б) «Про арешти, прокурорський нагляд і провадження слідства» від 17 листопада 1938 р. // Великий терор в Україні. «Куркульська операція» 1937—1938 рр.: У 2 ч. / Упоряд. С. Кокін, М. Юнге. Ч. II. Київ., 2010. С. 412.

¹⁵ Выводы комиссии ЦК КП(б) Белоруссии по приёму и передаче дел Прокуратуры БССР // История сталинского ГУЛАГа... С. 368.

задач руководства страны стал разбор многочисленных жалоб. Основной объём этой работы лёг на прокуратуру и частично на Управление государственной безопасности (УГБ) НКВД.

Институт жалоб «особого контроля» и личные ходатайства прокуратура СССР в реабилитации 1939–1941 гг.

Для поддержания авторитета партии и повышения лояльности населения в первую очередь необходимо было отреагировать на жалобы, поступавшие секретарям ЦК, наркомам СССР, депутатам Верховного Совета СССР, Советов союзных республик и прочим советским функционерам. В данном случае обращение получало статус «жалобы особого контроля» или «контрольной». Её рассматривали максимально быстро, но во время Большого террора обращения высокопоставленных представителей партийно-государственной номенклатуры в прокуратуру и НКВД игнорировались так же, как жалобы простых граждан. Поэтому 3 января 1939 г. прокурор СССР А.Я. Вышинский издал приказ, в котором подчёркивалось: «Зачастую ответы, сообщаемые после неоднократных напоминаний лаконичны – вроде: “осуждён”, “дело в следствии” и т.п. Такой ответ совершенно не может удовлетворить прокурора СССР. Такое положение не может быть дальше терпимо, и виновные в несвоевременных и неудовлетворительных ответах по жалобам, которые взяты на особый контроль, впредь будут привлекаться к строжайшей ответственности. Приказываю: На запросы прокурора СССР по жалобам, имеющим указания, что она контрольная или депутатская, сообщать исчерпывающий ответ в срок, указанный прокурором СССР»¹⁶.

Однако дезорганизованная в то время прокуратура очень долго не могла наладить нормальную работу даже по рассмотрению жалоб «особого контроля». Такая неудовлетворительная деятельность была отмечена в изданном 15 мая 1939 г. приказе прокурора СССР. Для исправления ситуации в каждом отделе союзной прокуратуры, в том числе по спецделам, а также в соответствующих отделах прокуратур союзных и автономных республик, краевых и областных прокуратур, предписывалось назначать сотрудников, персонально ответственных за работу по «контрольным» жалобам. Докладывать дважды в месяц о её результатах и каждые 10 дней давать сводку о жалобах, решение которых задерживалось, называя причины этого, должны были начальники отделов¹⁷.

В итоге обязательными для сотрудников прокуратуры становились лишь жалобы «особого контроля» – в случае их игнорирования следовали дисциплинарные взыскания¹⁸. Например, в отношении В.С. Шепечко «тройка» УНКВД по Днепропетровской обл. вынесла приговор: 10 лет заключения в исправительно-трудовом лагере (ИТЛ). В 1939 г. этот гражданин отправил из лагеря три жалобы в прокуратуру, которые не возымели действия¹⁹. Тогда Шепечко обратился в Верховный Совет СССР, где его обращение приняли и переслали в прокуратуру СССР. Так его претензия получила статус «контрольной», после чего прокуратура Днепропетровской обл. сразу начала надзорное следствие²⁰. В результате

¹⁶ ГА РФ, ф. Р-8131, оп. 16, д. 2, л. 1а.

¹⁷ Там же, л. 221.

¹⁸ Там же, л. 296.

¹⁹ АУСБУ ДО, д. Пр-18553, л. 34, 38–39.

²⁰ Там же, л. 36, 40.

прокуратура вынесла протест, областное УНКВД его удовлетворило, и решение «тройки» было отменено²¹.

Тем не менее статус жалобы «особого контроля» обеспечивал только оперативный ответ из прокуратуры и не обуславливал объективного расследования или реабилитации. Так, в апреле 1940 г. на имя прокурора СССР М.И. Панкратьева пришло письмо из Комиссии партийного контроля (КПК) при ЦК ВКП(б) – по поводу ответа на её запрос, отправленный в Запорожскую областную прокуратуру и касающийся «контрольной» жалобы: «Подобного рода ответы формального порядка, да ещё в копии, адресованной жалобщику, считаем совершенно не допустимым. Просим вас дать в КПК при ЦК ВКП(б) ответ по существу и сообщить, в чём обвиняется Аврааменко Н.И., какими документами это обвинение подтверждается, и почему нет оснований для пересмотра дела»²².

В органах НКВД, как и в прокуратуре, существовал институт жалоб «особого контроля», на что указывает действовавшая в тот период практика пересмотра дел. 22 октября 1937 г. П.Б. Авдеева арестовали за шпионаж. В 1939 г. он отправил на имя Берии жалобу с просьбой провести объективное расследование по его делу, но 31 марта 1940 г. Особое совещание НКВД СССР приговорило его к трём годам лагерей. Тогда на то же имя Авдеев выслал ещё две претензии, попросив его реабилитировать, но их проигнорировали. Следующая его жалоба была адресована А.А. Жданову²³, который решил с ней «разобраться» и направил её в Секретариат НКВД. Только после того, как претензию Авдеева взяли «на контроль»²⁴, по его делу было начато дополнительное расследование. Однако в итоге осуждение Авдеева признали правомерным, а решение Особого совещания оставили в силе²⁵. По тому же сценарию развивалось «дело С.И. Войцеховского»: только после того, как Р.С. Землячка получила его жалобу и посчитала её заслуживающей внимания, начался пересмотр «дела» органами НКВД. Правда, всё закончилось тем, что решение «тройки» оставили в силе²⁶.

Пострадавшие от репрессий граждане предпочитали не напрямую подавать жалобы в прокуратуру или НКВД, а заручались «протекцией» кого-нибудь из «сильных мира сего» – всевозможных партийных и советских деятелей. Если те считали, что претензию репрессированного следует рассмотреть более внимательно, направляли её в секретариаты – прокуратуры или НКВД СССР. Обращение высокопоставленного советского чиновника проигнорировать не могли, отправляли жалобу в соответствующее региональное подразделение прокуратуры или НКВД и «рассматривали по существу». Однако реальный шанс для реабилитации появлялся лишь тогда, когда известный функционер вступался за жалобщика, ручаясь в его невиновности. М.И. Чумаков, например, направил претензию на имя С.М. Будённого, с которым был лично знаком. Маршал перенаправил её И.В. Сталину²⁷, предварительно написав на ней, что уверен в невиновности Чумакова. В результате 27 ноября 1939 г. с него сняли все обвинения, восстановили в воинском звании и вернули на прежнее место службы²⁸. Однако на подобную протекцию могли рассчитывать единицы репрессированных.

²¹ Там же, л. 61.

²² ГА РФ, ф. Р-8131, оп. 17, д. 16, л. 16.

²³ ДА ДО, ф. 6478, оп. 2, д. 2524, л. 109–110 об.

²⁴ Там же, л. 118.

²⁵ Там же, л. 123.

²⁶ Там же, д. 2576.

²⁷ РГАСПИ, ф. 17, оп. 177, д. 376, л. 149.

²⁸ Черушев Н.С. Указ. соч. С. 21.

Особое место в реабилитационных мероприятиях занимает институт личного ходатайства прокурора СССР. На его имя (А.Я. Вышинского, М.И. Панкратьева, В.М. Бочкова) поступали сотни тысяч жалоб на решения «троек» и Особого совещания. Большинство их перенаправлялось по месту осуждения жалобщиков, но некоторые претензии прокурор СССР рассматривал лично и обращался с ходатайством о пересмотре дела и отмене приговора в Особое совещание НКВД СССР. Прокурор Союза ССР мог просить о снижении срока наказания до фактически отбытого²⁹, замене заключения в ИТЛ на высылку³⁰, об отмене обвинительного приговора и полном оправдании репрессированного³¹. Мне удалось найти четыре таких ходатайства (все они касались жён «изменников Родины»), которые были удовлетворены Особым совещанием НКВД. Но пока сложно определить, имел ли право прокурор СССР лично ходатайствовать только за такую категорию репрессированных или это была установившаяся практика.

Но в любом случае и «контрольные» жалобы, и те, по которым прокурор СССР лично принимал решение, составляли небольшой процент от общего количества прошений жертв политических репрессий. Большинство из них пыталось добиться справедливости, обращаясь на общих основаниях в прокуратуру и НКВД.

Деятельность прокуратуры по реабилитации жертв Большого террора

В середине 1939 г. в спецотделы областных и краевых прокуратур ежедневно поступало 100–130 жалоб от жертв массовых репрессий³², однако до этого периода структурные подразделения прокуратуры практически не участвовали в их реабилитации.

Полагаю, причин тому было несколько. Во-первых, страх сотрудников прокуратуры перед всесильным УГБ НКВД СССР. Протест против решения «тройки» мог повлечь за собой обвинения в пособничестве «врагам народа», как это было с прокурором БССР С.Я. Новиком. Его обвинили в неправильной практике «принесения неосновательных протестов на решения внесудебных органов на предмет прекращения дел, в то время как по делам было установлено наличие вражеской деятельности»³³. Поэтому некоторые прокуроры пытались саботировать работу по рассмотрению «спецжалоб» или уйти из отдела по спецделам. Во-вторых, в тот период не хватало квалифицированных прокуроров, что парализовало работу многих областных спецотделов, куда должны были направляться прокуроры с большим стажем работы и хорошей профессиональной подготовкой. Однако в годы Большого террора кадровый состав прокуратуры сильно пострадал и на работу в спецотдел просто некого было направлять. Так, в прокуратуре Приморского края вплоть до мая 1939 г. не было прокурора по спецделам и никто не рассматривал жалобы жертв массовых репрессий³⁴.

В 1939–1941 гг. так и не удалось полностью укомплектовать спецотделы региональных прокуратур. Многие из прокурорских работников (наиболее опытные), попадавших на работу в отдел по спецделам, как правило, переходили на другую должность. Это приводило к огромной текучке кадров. К примеру, в начале

²⁹ ДА ДО, ф. 6478, оп. 2, д. 472, л. 28.

³⁰ Там же, д. 912, л. 18.

³¹ Там же, д. 172, л. 20; д. 1286, л. 13.

³² ГА РФ, ф. А-461, оп. 8, д. 26, л. 43, 66.

³³ Выводы комиссии ЦК КП(б) Белоруссии... С. 367.

³⁴ ГА РФ, ф. А-461, оп. 8, д. 27, л. 48.

июня 1940 г. прокурор 1-го Уголовно-судебного отдела прокуратуры РСФСР Иванов-Поляков докладывал в Москву о нездоровых настроениях в Хабаровской краевой прокуратуре. За период его пребывания в Хабаровске к нему каждый день обращались прокуроры спецотдела с требованием о переводе и даже угрожали, что в противном случае «они бросят работу и самовольно выедут из Хабаровска»³⁵. Помощник же прокурора Приморского края по спецделам, проработав на должности месяц, самовольно уехал в столицу³⁶. Что говорить об областных прокуратурах, если в 1939 г. даже в Москве личный состав такого отдела сменился дважды³⁷.

В высших эшелонах власти знали о страхах прокуроров по спецделам, особенно относительно пересмотра результатов Большого террора. Слишком ответственного прокурора, который бы активно опротестовывал решения внесудебных органов, могли запросто арестовать. Поэтому в феврале 1939 г. вышел приказ прокурора СССР, по которому только с санкции последнего были возможны аресты прокуроров отделов по спецделам³⁸. Однако этот приказ не повлиял на работу структурных подразделений прокуратуры, и рассмотрение жалоб на противоправную деятельность сотрудников НКВД не сдвинулось с мёртвой точки. Чтобы работать по поводу подобных претензий и конфликтовать с органами НКВД, прокурор отдела по спецделам должен был обладать особыми иммунитетом в советской правовой системе. В итоге таких прокуроров – от областного до общесоюзного уровня – стали утверждать непосредственно в ЦК ВКП(б)³⁹.

В августе 1939 г. прокурор СССР Панкратьев издал сразу пять приказов, регламентировавших деятельность прокуроров по спецделам по рассмотрению обращений репрессированных. Так, в отделах жалоб были ликвидированы соответствующие особые группы. Их личный состав перевели непосредственно в отделы по спецделам. Жалобы должны были фиксироваться в Центральной регистратуре прокуратуры СССР и оттуда поступать в соответствующие отделы союзной прокуратуры, Военной прокуратуры, а также Транспортной, после чего закрепляться за конкретными прокурорами⁴⁰.

Секретарей отделов по спецделам обязали ежедневно докладывать непосредственным начальникам о количестве поступивших жалоб и об их «дальнейшем ходе». От этих начальников прокурор СССР требовал еженедельные доклады о состоянии их работы⁴¹. Если человек обращался в прокуратуру лично, то дежурный прокурор обязан был выдать посетителю контрольный талон, где указывались фамилия начальника отдела, к которому относилась жалоба, сроки её рассмотрения и отправления ответа⁴². Такую же процедуру ввели во всех республиканских прокуратурах⁴³.

В результате после регистрации в прокуратуре обращения и начала его рассмотрения проходило два–три дня. Кроме того, 15 сентября 1939 г. прокурор СССР издал приказ № 180/84с: в кратчайшие сроки разобраться со всеми нерассмотренными жалобами. Телеграммы с требованием его незамедлительного выполнения

³⁵ Там же, д. 26, л. 12.

³⁶ Там же, д. 27, л. 48.

³⁷ Там же, ф. Р-8131, оп. 17, д. 14, л. 21.

³⁸ Там же, оп. 16, д. 2, л. 62.

³⁹ Там же, ф. А-461, оп. 8, д. 26, л. 2.

⁴⁰ Там же, ф. Р-8131, оп. 16, д. 2, л. 323, 353.

⁴¹ Там же, л. 301.

⁴² Там же, л. 317.

⁴³ Там же, оп. 17, д. 195, л. 125–126.

были отправлены во все структурные подразделения прокуратуры СССР⁴⁴. Только после этого органы прокуратуры — хотя и с большим опозданием — наконец-то «включились» в реабилитационный процесс. Вскоре главной целью работы их спецотделов стали количественные показатели: успешными считались начальники, продемонстрировавшие к концу 1939 г. высокие темпы рассмотрения жалоб.

Во второй половине 1939 г. прокурорам по спецделам удавалось в день успешно проработать с двумя—тремя обращениями при планировавшихся пяти, причём для этого привлекались прокуроры из других отделов и даже районов, как правило, не имевшие должного опыта и подготовки. Например, с 1 сентября 1939 по 20 января 1940 г. в Алтайской краевой прокуратуре жалобами на решение бывших «троек» занимались 35 прокуроров, мобилизованных из других её отделов⁴⁵. А прокуратура Грузинской ССР направила в спецотдел 28 районных прокуроров, и каждый из них проработал там 2.5 месяца⁴⁶. Гонка «по скорейшему рассмотрению скопившихся с конца 1938 г. жалоб» приводила к их частым отклонениям, что являлось тоже решением проблемы, к тому же безопасным, исключавшим возможный конфликт с НКВД.

Таким образом, многое зависело от личного мужества и чувства долга областных, краевых и республиканских прокуроров, особенно на завершающем этапе реабилитации (конец 1940 — первая половина 1941 г.). Тогда окончательно определилась политика партии в этом вопросе, закрепились процедуры рассмотрения жалоб и пересмотра приговоров, стали понятны границы «дозволенного».

Однако прокуратуры различных регионов действовали неодинаково. В Коми, Татарской и Башкирской АССР за 1941 г. не было подано в Особое совещание НКВД СССР ни одного протеста по делам бывших «троек»⁴⁷, что означало саботаж процесса реабилитации как минимум ещё в последнем квартале 1940 г. В январе—октябре 1941 г. прокуратура Бурят-Монгольской АССР вынесла 6 протестов (тогда же 10 её протестов были удовлетворены, 8 отклонены)⁴⁸; прокуратура Крымской АССР в январе—мае — соответственно 9 (13 и 11)⁴⁹; Калмыцкой АССР в январе—июле — 20 (2 и 23)⁵⁰; Мордовской АССР — 3 (9 и 12)⁵¹.

В 1939—1941 гг. некоторые региональные прокуроры откровенно саботировали проведение реабилитационных мероприятий. Например, в конце февраля 1940 г. военный прокурор Железной дороги им. В.М. Молотова докладывал в Москву о следующем «преступном явлении»: в Читинской областной прокуратуре «лежали без движения» жалобы по спецделам, поданные ещё в конце 1938 — начале 1939 г.⁵²

В апреле 1940 г. секретаря спецотдела Куйбышевской облпрокуратуры Климову привлекли к уголовной ответственности «за преступное отношение к служебным обязанностям» и осудили по ст. 109 УК РСФСР на год принудительных работ «за то, что она вместо должной работы даже рвала в спецотделе жалобы

⁴⁴ Там же, д. 196, 199.

⁴⁵ Там же, ф. А-461, оп. 8, д. 26, л. 42.

⁴⁶ Там же, ф. Р-8131, оп. 17, д. 195, л. 107.

⁴⁷ Там же, ф. А-461, оп. 8, д. 215, 158.

⁴⁸ Там же, д. 215, л. 38, 40, 44, 46, 50.

⁴⁹ Там же, д. 216, л. 3, 6, 8, 11.

⁵⁰ Там же, л. 36, 44, 47, 49, 51, 53.

⁵¹ Там же, л. 89, 95, 98, 100, 102, 104, 106.

⁵² Там же, д. 25, л. 24.

и переписки и т.д.»⁵³. 7 июня 1940 г. прокурор 1-го управления спецотдела прокуратуры РСФСР Иванов-Поляков в докладной записке на имя республиканского прокурора указал на «нездоровые взаимоотношения», сложившиеся между хабаровским УНКВД и прокуратурой Хабаровского края. Глава последней, отмечал Иванов-Поляков, после очередного телефонного звонка руководителя УНКВД постоянно вмешивался в работу отдела по спецделам⁵⁴.

Вместе с тем было немало прокуроров, проводивших серьёзную проверку жалоб и не боявшихся потенциальных конфликтов с НКВД и непосредственным начальством. Так, когда в начале октября 1939 г. остаток нерассмотренных обращений по спецделам в прокуратуре АССР Немцев Поволжья стал приближаться к 500, Панкратьев потребовал от своего подчинённого – прокурора этой автономной республики С.Н. Однакова – объяснения причин невыполнения соответствующего приказа. Вскоре был получен следующий ответ: «Рост остатка по спецделам объясняется тем, что по всем поступающим жалобам приходится истребовать дела, по ознакомлению с которыми работники спецотдела признают необходимым абсолютно по всем из них производить проверку, к повторному расследованию обстоятельств дела, что и влечёт за собой задержку рассмотрения жалоб»⁵⁵. И такая ситуация оставалась в республике как минимум до февраля 1940 г. (данных о последующем периоде пока нет).

В первом квартале того же года прокуратура Калининской обл. рассмотрела 1 110 жалоб на приговор «троек» УНКВД. По каждой из них провели проверку материалов следствия, в результате вынесли 217 протестов, причём только один был отклонён (удовлетворено около 20%, остальные, на тот момент, находились на стадии рассмотрения в УНКВД)⁵⁶. С 1 сентября 1939 по 20 января 1940 г. алтайская краевая прокуратура вынесла 555 протестов по «делам УГБ УНКВД»⁵⁷. Объясняя прокурору СССР нарушение сроков рассмотрения спецобращений, прокурор Алтайского края Н. Кустов указал, что «почти каждая жалоба требует не только рассмотрения уголовного дела, но и доследования каждого из них»⁵⁸. Заявив о своём плане вынести в феврале 1940 г. протесты в отношении 300–350 человек, осуждённых бывшей «тройкой»⁵⁹, Кустов просил у прокурора СССР разрешения «приносить протесты при установлении отсутствия достаточных данных, для осуждения за недоследованностью (например, в деле ничего нет, кроме собственного признания, от которого осуждённый теперь отказывается), не производя силами прокуратуры дополнительное расследование»⁶⁰ (скорее всего, в Москве не поддержали эту инициативу).

Общее количество протестов, вынесенных различными структурными подразделениями прокуратуры СССР на решения «троек», оценить достаточно сложно. Однако на основе анализа деятельности областных прокуратур Украинской, Киргизской ССР, Дагестанской АССР, Калининской и Рязанской облпрокуратур, Алтайской и Хабаровской крайпрокуратур можно предположить, что в 1939–1940 гг. их было около 30–35 тыс.

За каждым таким протестом не обязательно следовала реабилитация. Прокуратура могла уменьшить срок заключения (в том числе до фактически отбытого на

⁵³ Там же, д. 26, л. 3.

⁵⁴ Там же, л. 14.

⁵⁵ Там же, ф. Р-8131, оп. 17, д. 197, л. 5.

⁵⁶ Там же, ф. А-461, оп. 8, д. 27, л. 77–78.

⁵⁷ Там же, д. 26, л. 42.

⁵⁸ Там же, л. 43.

⁵⁹ Там же, л. 45.

⁶⁰ Там же, л. 46.

момент вынесения протеста) или заменить его ссылкой. Но главное, что именно в УНКВД принималось решение (положительное или отрицательное) по поводу такого протеста, а с 23 апреля 1940 г. его должно было утвердить Особое совещание НКВД СССР⁶¹. Поэтому, скорее всего, в результате действий прокуратуры в 1939–1941 гг. реабилитировали около 15 тыс. советских граждан.

Органы НКВД и процесс реабилитации в 1939–1941 гг.

Тот факт, что последнее слово в реабилитации жертв массовых репрессий оставалось за их же проводившими сотрудниками НКВД, — не что иное как «гримаса» советской правовой системы, где политическая целесообразность, определявшаяся правящей партией, довлела над законом.

Первым «предреабилитационным» актом стал вышедший 26 ноября 1938 г. приказ НКВД СССР № 00762, пункт 14 которого предписывал возвращать на дознание уже рассмотренные внесудебными органами следственные дела, по которым приговоры ещё не были приведены в исполнение⁶². 22 декабря Берия довёл до сведения своих подчинённых следующее дополнение к этому приказу: «Постановления Особого совещания, троек НКВД, УНКВД и милиции о заключении в лагеря,сылке и другие ограничения, не объявленные арестованным до 17 ноября, — считать утратившими силу, дела доследовать и направить по подсудности»⁶³. То есть отменялись приговоры внесудебных органов в отношении большого числа репрессированных. В результате многие из них были спасены от расстрела и заключения в ГУЛАГ.

Однако в ходе реализации этого приказа (с учётом дополнения) много неясного. Имелись случаи, когда отменяли решения «троек», объявленные до 17 ноября 1938 г. Например, С.М. Жуковскому и Э.А. Рыбке такое решение «огласили» 20 октября (их приговорили к 10 годам ИТЛ)⁶⁴, но приговор «тройки» отменили и обоих освободили в феврале следующего года.

Непосредственно в процесс рассмотрения жалоб репрессированных органы НКВД вынуждены были включиться согласно директиве № 2709 наркома внутренних дел СССР и прокурора СССР от 28 декабря 1938 г. и первого пункта приказа № 00116 «О порядке рассмотрения жалоб осуждённых бывшими тройками НКВД (УНКВД)» от 4 февраля 1939 г.⁶⁵ В органах НКВД не всегда «давали ход» всем поступившим к ним заявлениям и претензиям. Направленные на имя наркома внутренних дел жалобы часто не рассматривались, а пересмотр приговоров внесудебных органов инициировали прокуратура или партийно-государственные функционеры, пересылавшие эти жалобы в НКВД. Возможно, существовали некие критерии отбора претензий и, несмотря на тон приказа, какие-то из них могли игнорироваться. В пользу этого предположения свидетельствует тот факт, что жертвы политического террора сравнительно редко обращались в органы госбезопасности, и те не были перегружены жалобами — их основная масса шла в прокуратуру и советско-партийные органы. В то же время органы НКВД

⁶¹ Приказ Народного комиссара внутренних дел Л.П. Берия и прокурора СССР М.И. Панкратьева № 0165 «О порядке пересмотра решений бывших троек НКВД–УНКВД» // *Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р.* Вертикаль большого террора... С. 506–507.

⁶² Приказ Народного комиссара внутренних дел Л.П. Берия № 00762 «О порядке осуществления постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г.» // Там же. С. 433.

⁶³ Дополнение к приказу № 00762 от 22 декабря 1938 г. // Там же. С. 437.

⁶⁴ АУСБУ ДО, д. Пр-10361, л. 70, 78; д. Пр-10669, л. 59.

⁶⁵ *Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р.* Вертикаль большого террора... С. 491–493.

иногда рассматривали претензии, адресованные прокуратуре (хотя специфика их работы в 1939–1941 гг. существенно различалась).

В первой половине 1939 г. прокуратура частично передавала жалобы репрессированных непосредственно в НКВД (в Грузинской ССР, например, такая практика существовала до 1940 г.)⁶⁶. Так, осуждённый «тройкой» 8 декабря 1937 г. к 10 годам ИТЛ Л.О. Книжка направил прокурору Украинской ССР жалобу, но её (не рассматривая) передали в областное управление НКВД⁶⁷. Книжку реабилитировали уже 24 апреля 1939 г., так как ещё в начале того же года учреждения данного ведомства начали пересматривать приговоры бывших «троек»⁶⁸.

Для прокуратуры, осуществлявшей реабилитационные мероприятия, серьёзной проблемой стало недостаточное взаимодействие с органами НКВД, особенно на областном уровне. При рассмотрении жалоб на «приговоры троек по существу» необходимо было получить следственные дела, хранившиеся в органах НКВД. Однако работавшие там сотрудники постоянно задерживали высылку истребованных дел в прокуратуры, причём это продолжалось вплоть до завершения реабилитации в 1941 г. Для внутренних же расследований НКВД дела доставлялись достаточно оперативно.

В органах НКВД не было специального структурного подразделения, занимавшегося разбором жалоб от репрессированных, как это было в прокуратуре. «Троичные» дела пересматривали обычные следователи и оперуполномоченные УГБ НКВД. Именно они, рассмотрев претензию, выносили постановление – отменить приговор «тройки» или оставить его в силе. Затем постановление должен был подписать непосредственный начальник следователя, пересматривавшего приговор, а утвердить – начальник областного УНКВД или республиканского НКВД.

Если всё-таки сотрудники органов этого ведомства начинали рассматривать обращение, то весьма основательно, а не формально, как нередко бывало у работников прокуратуры. Дело в том, что в органы НКВД поступало немного жалоб, в производстве же у каждого из сотрудников прокуратуры – нередко 100–200 заявлений репрессированных. Кроме того, следователь НКВД мог не опасаться межведомственного конфликта.

Как правило, в органах НКВД допрашивали новых свидетелей и передопрашивали тех, на основе показаний которых человека осудили. Социальное происхождение жалобщика тщательно проверяли. Одного подтверждения принадлежности к «бывшим эксплуататорским классам» или «социально опасным элементам» уже оказывалось достаточно для отказа в реабилитации и наоборот. Например, при пересмотре дела А.И. Жука (осуждён «тройкой» 8 декабря 1937 г. к восьми годам ИТЛ) выяснилось, что он не «кулак», а «средняк». В результате 16 августа 1939 г. Жука реабилитировали⁶⁹. В 1939 г. Ф.П. Нечипоренко и П.А. Подопригора, репрессированные по одному делу, подали жалобы в НКВД. Дополнительное расследование проводил оперуполномоченный Коваленко, который 27 февраля 1940 г. вынес постановление, где отмечалось: «Показания свидетелей Подопригоры А.К., Дузя А.Г., Ситника Г.П., Черевко К.Е. от 28.11.1937 г. были следствием фальсифицированы, не являются убедительными документами, изобличающими Маштака, Нечипоренко и Подопригору в провидении антисоветской деятельности, служить не могут. Постановил: решение бывшей тройки УНКВД

⁶⁶ ГА РФ, ф. Р-8131, оп. 17, д. 195, л. 107.

⁶⁷ ДА ДО, ф. 6478, оп. 2, д. 362.

⁶⁸ Там же, л. 57.

⁶⁹ Там же, д. 25, л. 33–35.

по Днепропетровской области о заключении Маштака М.Д., Подопригоры П.А. и Нечипоренко Ф.П. в ИТЛ на 10 лет отменить, обвиняемых освободить»⁷⁰.

Но в полученных из сельсовета справках указывалось, что, по показаниям свидетелей, Нечипоренко и Подопригора являлись членами секты (её названия и характеристики в деле нет), потому принадлежали к целевым социальным группам, против которых и проводилась «кулацкая операция». Судя по всему, оперуполномоченному объяснили, что массовые операции проводили для того, чтобы ликвидировать всех «социально опасных элементов», работа же по рассмотрению их жалоб реабилитации не предусматривала. В итоге 11 августа 1940 г. Коваленко написал противоречивое постановление: «Повторным расследованием было установлено, что показания свидетелей Подопригоры А.К., Дузя А.Г., Ситника Г.П., Ковалю А.А. от 28.11.1937 г. были правильными и являются документами, изобличающими Маштака, Нечипоренко и Подопригору в антисоветской деятельности. Предъявленное обвинение вполне доказано, так как было подтверждено материалами повторного расследования... Постановил: решение бывшей тройки УНКВД по Днепропетровской области о заключении Маштака, Подопригоры и Нечипоренко в ИТЛ на 10 лет считать правильным»⁷¹. Это постановление (в духе реабилитации 1939–1941 гг.) и было утверждено областным УНКВД.

2 ноября 1940 г., к примеру, старший оперуполномоченный Криворожского горотдела НКВД Колесниченко вынес постановление об отказе удовлетворить претензию Р.Я. Лидле⁷². Однако начальник следственной части Днепропетровского УНКВД отклонил это постановление и потребовал проверить социальное происхождение жалобщика, а также для выявления фактов его «вредительства» дополнительно вызвать свидетелей и провести техническую экспертизу⁷³. Тем не менее после повторного (и очень подробного) рассмотрения претензии 10 мая 1941 г. Лидле отказали в реабилитации, потому что было доказано его «кулацкое» происхождение⁷⁴. То есть проведение органами НКВД повторных расследований дел могло помочь только репрессированным, относившимся к «классово близким социальным группам».

8 мая 1939 г. с целью уменьшения потока жалоб в НКВД вышел приказ № 00497, согласно которому в случае поступления претензии от одного из осуждённых по групповому делу следовало проверять правомерность такого осуждения для всех проходивших по нему лиц, даже если те не жаловались. Кроме того, предписывалось немедленно пересматривать дела на осуждённых «тройками» по показаниям уже оправданных и освобождённых людей. В том же приказе содержалось требование отменять решения в отношении тех лиц, на которых не распространялся приказ № 00447, дела необходимо было «доследовать и отправлять по подсудности»⁷⁵ (ход реализации этих положений пока не известен). Также предписывалось рассматривать заявления на пересмотр дел, поступавших от родственников репрессированных, что неукоснительно выполнялось.

⁷⁰ Там же, д. 6597, л. 208–209.

⁷¹ Там же, л. 253–254.

⁷² Там же, д. 4350, л. 34.

⁷³ Там же, л. 35.

⁷⁴ Там же, л. 46.

⁷⁵ Зам. наркома внутренних дел В.Н. Меркулов. Приказ № 00497 «О дополнении директивы НКВД и Прокуратуры СССР от 26 декабря 1938 г. № 2709 и приказа НКВД СССР № 00116-1939» от 8 мая 1939 г. // *Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р.* Вертикаль большого террора... С. 496.

Особенностью реабилитации 1939–1941 гг. стало то, что в органах НКВД не пересматривались расстрельные приговоры, а сотрудники прокуратуры повсеместно принимали жалобы от родственников приговорённых к высшей мере наказания (ВМН) и начинали надзорное следствие. Видимо, это было связано с тем, что родственники не знали о расстреле своих близких, а прокуроры узнавали о приговорах, только получив следственные дела из НКВД. В Днепропетровской областной прокуратуре, к примеру, утвердилась следующая практика (скорее всего, существовавшая во всех структурных подразделениях прокуратуры СССР). После получения дела и выяснения факта расстрела репрессированного прокурор уже не интересовался обстоятельствами дела, он составлял формальное постановление (не более страницы) о том, что жалоба рассмотрена, вина осуждённого полностью доказана материалами дела, а оснований для опротестования решения «тройки» нет⁷⁶. Интересно, что по одному и тому же групповому делу лиц, осуждённых «тройкой» к заключению в ИТЛ, могли реабилитировать, а приговорённых к расстрелу, — нет⁷⁷.

Многие прокуроры заявляли начальству и в партийные органы о необходимости реабилитации казнённых репрессированных. Так, прокурор Азербайджанской ССР докладывал Панкратьеву, что в сентябре 1939 г. была введена практика истребования дел на осуждённых по первой категории лиц для пересмотра⁷⁸, правда, без уточнений результатов и последствий этих действий.

Прокурор Новосибирской обл. А.А. Захаров 15 сентября 1939 г. сообщил в обком ВКП(б) о своём обращении в прокуратуру СССР: «Какие решения должны быть приняты в тех случаях, когда установлено, что совершенно ни в чём не повинные люди расстреляны, однако до сего времени прокуратура Союза не ответила?»⁷⁹. Далее он предложил реабилитировать семьи незаконно расстрелянных и просил решить эту проблему ЦК ВКП(б)⁸⁰.

В начале 1940 г. прокурор Алтайского края Кустов докладывал прокурору СССР о своём намерении опротестовать 30 приговоров «тройки» (ВМН)⁸¹. Далее он спросил, можно ли опротестовать сфальсифицированное дело, по которому были расстреляны 299 человек, а затем их реабилитировать⁸². Реакция центральных органов на эти инициативы неизвестна. Удалось обнаружить лишь написанную Панкратьевым резолюцию — на Докладной записке военного прокурора войск НКВД Туркменского погранокруга Кошарского. В ней прокурор СССР разрешал ставить «вопрос о реабилитации незаконно осуждённых к ВМН в каждом отдельном случае перед наркомом внутренних дел и прокуратурой Союза»⁸³. Значит, в качестве исключения протест на расстрельные приговоры допускался. Возможно, некоторые прокуроры выносили такие протесты, но органы НКВД наверняка их отклоняли, так как на данный момент не установлено ни одного случая посмертной реабилитации в 1939–1941 гг.

⁷⁶ ДА ДО, ф. 6478, оп. 2, д. 1903, 2515, 2516, 2705; АУСБУ ДО, д. П-7558.

⁷⁷ ДА ДО, ф. 6478, оп. 2, д. 2389, 5752.

⁷⁸ ГА РФ, ф. Р-8131, оп. 17, д. 195, л. 127.

⁷⁹ Прокурор Новосибирской области А.В. Захаров секретарю обкома ВКП(б) А.Г. Боркову о пересмотре уголовных дел на лиц, осуждённых тройкой УНКВД от 15 сентября 1939 г. // *Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р.* Вертикаль большого террора... С. 499.

⁸⁰ Там же. С. 499.

⁸¹ ГА РФ, ф. А-461, оп. 8, д. 26, л. 45.

⁸² Там же, л. 46.

⁸³ Докладная записка военного прокурора войск НКВД Туркменского погранокруга Кошарского прокурору СССР М.И. Панкратьеву... С. 359.

В заключение отмечу, что процедура «рассмотрения по существу» жалобы репрессированного (главное основание для начала пересмотра обвинительного приговора) зависела от инстанции. Если претензию принимали в партийных или советских органах и признавали заслуживающей внимания, то из секретариата соответствующей организации или из приёмной высокопоставленного чиновника её направляли в прокуратуру или НКВД (с просьбой разобраться), где она получала статус «контрольной».

При рассмотрении в прокуратуре жалоба (обычная или «контрольная») закреплялась за одним из прокуроров отдела по спецделам. Прокурор мог затребовать материалы уголовного дела, передопросить свидетелей, провести экспертизы и т.д. Затем он либо отклонял претензию и признавал постановление «тройки» обоснованным, либо выносил протест, который утверждался начальником соответствующего структурного подразделения прокуратуры СССР. Протест направляли в НКВД, потом в его структурное подразделение, которое арестовало в своё время заключённого-жалобщика. Следователь НКВД рассматривал претензию прокуратуры и выносил постановление: удовлетворить её или отклонить. Оно утверждалось начальником данного структурного подразделения НКВД и рассматривалось следственной частью или 1-м спецотделом УНКВД республики, края или области. Решение следственной части или 1-го спецотдела скреплялось подписью начальника УНКВД или его заместителя.

Как только претензию (обычную или «контрольную») принимали к производству непосредственно в НКВД, её дальнейшее «рассмотрение по существу» происходило в структурном подразделении данного ведомства, которое арестовало жалобщика (далее, как во втором варианте). Если следователь НКВД в результате рассмотрения жалобы выносил постановление об отмене решения «тройки» и в УНКВД это постановление утверждали, то его направляли в 1-й спецотдел НКВД СССР для исполнения. С апреля 1940 г. постановление УНКВД о реабилитации и протесты прокуратуры утверждались Особым совещанием НКВД. На основании постановления УНКВД, а позднее решения Особого совещания 1-й спецотдел НКВД СССР направлял приказ в лагерь, где отбывал заключение реабилитированный, и начальник лагеря приводил этот приказ в исполнение. Реабилитированный получал справку об освобождении. Подобные документы не предусматривали пункт «Реабилитирован», но в них указывалась причина освобождения – отмена обвинительного приговора.

Исключение составляла процедура рассмотрения ходатайств прокурора СССР. Скорее всего, подобные ходатайства выносились только в отношении жалоб «жён изменников родины» (других критериев отбора, видимо, не существовало) и разбирались случайно отобранные претензии. Несмотря на то, что личные ходатайства прокурора СССР, как и жалобы «особого контроля», составляли небольшую часть от общего количества обращений репрессированных, именно по ним был реабилитирован существенный процент всех освобождённых в 1939–1941 гг.

В рассматриваемый период прокуратура и НКВД могли удовлетворить только жалобы репрессированных, оставшихся в живых. Если человек умирал во время рассмотрения его претензии, то повторное следствие сразу же прекращалось, а постановление «тройки» автоматически признавалось правомерным. Жалобы от родственников казнённых репрессированных не удовлетворялись.

Число реабилитированных непосредственно органами НКВД приблизительно соответствует количеству реабилитированных по протестам прокуратуры. Соответственно, если по обращениям последней в 1939–1941 гг. было реабилитировано

порядка 15 тыс. человек, то суммарное количество реабилитированных органами прокуратуры и НКВД в процессе рассмотрения жалоб составило около 30 тыс. Сюда не вошли реабилитированные Верховным Судом СССР и фактически реабилитированные в конце 1938 – начале 1939 г., когда отменялись не приведённые в исполнение решения «троек», а часть осуждённых по ним полностью оправдали. Следовательно, возможное количество реабилитированных в 1939–1941 гг. – около 50 тыс. человек, однако эта цифра является приблизительной и требует дальнейшего уточнения. Следует иметь в виду, что в научно-популярной литературе часто к реабилитированным причисляют тех, кого освободили из заключения. В рассматриваемый период самым распространённым результатом «работы с жалобами» стало снижение срока наказания до фактически отбытого, были нередки обвинительные приговоры, наказание по которым ограничивалось сроком предварительного заключения. Таким образом, многие из вышедших на свободу репрессированных фактически сохраняли клеймо «врага народа».

Советская правоохранительная система, дезорганизованная во время Большого террора, с большим трудом включалась в реабилитационные мероприятия 1939–1941 гг. В 1939 – начале 1940 г. работа по рассмотрению жалоб репрессированных являлась приоритетной задачей для спецотделов прокуратуры СССР. Надзором за производством следствия по текущим делам УГБ НКВД занимались в 1-м отделении уголовно-судебного отдела прокуратуры. В 1939 г. прокурор СССР издал 15 приказов, которые регламентировали работу с жалобами. Однако прокуратура, куда направлялась основная масса обращений репрессированных, бездействовала в первой половине того года, что объясняется следующим. Во-первых, прокуроры опасались вступать в конфликт с органами НКВД и быть обвинёнными в пособничестве «врагам народа», во-вторых, в спецотделах прокуратуры наблюдались постоянная нехватка и текучка кадров, большинство спецотделов так и не были укомплектованы согласно штату, что сказывалось как на темпах, так и на качестве рассмотрения жалоб.

Большая часть протестов на решения «троек» была вынесена в сентябре 1939 – апреле 1940 г. Несмотря на все ограничения, процесс реабилитации постепенно набирал обороты. С начала 1940 г. росло количество протестов на решения «троек», поднимался вопрос о пересмотре расстрельных приговоров. В апреле, после издания приказа № 00165, процедуру реабилитации максимально ужесточили и первенство НКВД при проведении соответствующих мероприятий возвели в абсолют, после чего процесс реабилитации начал постепенно сворачиваться. С октября 1940 г. работа с претензиями репрессированных окончательно ушла на второй план, спецотделы прокуратуры, занятые в основном рассмотрением жалоб, переориентировались на работу по текущим делам о контрреволюционных преступлениях. Вскоре часть региональных прокуроров, и до того пытавшихся саботировать рассмотрение претензий репрессированных, фактически закончила реабилитацию в подведомственных им регионах. Другая часть продолжала опротестовывать решения «троек» вплоть до июля 1941 г., правда в очень скромных масштабах, и только начало Великой Отечественной войны положило конец первой волне реабилитации жертв Большого террора.

Органы НКВД во время реабилитации 1939–1941 гг. утверждали или отклоняли протесты прокуратуры и личные ходатайства прокурора СССР, а также непосредственно занимались жалобами репрессированных. В итоге именно работники НКВД определяли, кого из заключённых оправдать, а кого и впредь считать «врагом народа». Органы НКВД должны были установить,

представляет ли жалобщик социальную угрозу или соответствует всем критериям советского гражданина и может вернуться в социалистическое общество. Жалобы «кулаков», «церковников» и прочих «антисоветских элементов» не удовлетворялись. На реабилитацию могли рассчитывать только «настоящие советские люди» из числа членов Коммунистической партии и ВЛКСМ, военных, рабочих, крестьян-середняков и бедняков, а также представителей советской интеллигенции.

В процессе реабилитационных мероприятий происходило переосмысление функций и задач карательной системы, а также устанавливались границы дозволенного в деятельности органов НКВД. Одновременно осуществлявшиеся реабилитация жертв и аресты «исполнителей» Большого террора должны были вернуть карательные органы в рамки «социалистической законности». Таким образом, происходило уравнивание в структуре советской юстиции её карательных и правоохранительных составляющих. Реабилитация стала способом трансформации карательной политики Советского государства.

К рассмотрению жалоб репрессированных в той или иной форме было привлечено большое количество прокурорских работников, воочию убедившихся в необоснованности и противозаконности массовых репрессий. Многие из них к моменту смерти Сталина занимали ответственные посты в системе советской юстиции и были готовы возобновить работу по реабилитации жертв массовых репрессий, т.е. процесс, начавшийся в стране в 1939–1941 гг., во многом определил динамику реабилитации 1950–1960-х гг.